

Крутиков М.

11.91

«СУДЬБА МОЯ СЛОЖИЛАСЬ УДАЧНО»,

— говорит солист оперы Михаил Крутиков

Редакция. Михаил, я очень удивилась, когда увидела вашу фамилию в афише «Молодые голоса Большого театра». Мне кажется, вы поете на нашей сцене лет десять.

М. Крутиков. Официально в 1983 году я был принят в стажерскую группу, а неофициально — в 1981-м я прошел конкурс и стал практикантом, и был им до 1983 года, потом, уже имея значительный репертуар, я еще раз на общих основаниях пел конкурс в стажерскую группу. Вместе со мной конкурс в группу практикантов пели Н. Васильев, В. Букин, но их сразу зачислили в стажеры, а меня — в практиканты, так как я был в это время студентом 4-го курса Московской консерватории. В стажерской группе я пробыл еще три года. За годы практиканства и стажировки, то есть почти пять лет, я работал с полной нагрузкой, фактически как солист и за это время спел около тридцати партий.

Так что ваше ощущение, что я работаю в театре 10 лет, правильное. С 1986 года — я солист Большого театра.

Это был нелегкий, тернистый путь. Сейчас в моем репертуаре 14 главных партий, и среди них Борис Годунов, Досифей, Король Рене, Мендоза, Гремин и многие другие — практически весь басовый репертуар.

Ред. Когда вы решили стать певцом?

М. К. До 20 лет жил в городе Калининграде и там же поступил в музыкальное училище, закончил его как дирижер-хоровик, приехал в Москву и поступил

вокальное отделение консерватории, а студентом 4-го курса пришел в Большой театр. Все годы учился у Е. Е. Нестеренко. Принимал участие в Международном конкурсе вокалистов имени Биотти в Италии, стал лауреатом. Это было в 1984 году, в мою бытность стажером.

Ред. Вы довольны своей творческой судьбой?

М. К. Первые пять лет были очень тяжелыми. Столько лет находиться «между небом и землей» в театре очень трудно. Сейчас мы с женой вспоминаем эти годы с большой болью. Во-первых, было тяжелое материальное положение — известно, что стажер получает очень маленькую зарплату. Сколько может продолжаться такое положение? Год-два, а затем человек должен как-то определяться, начинать активную творческую работу если не в этом театре, то в другом, или на другом поле деятельности.

Небольшие партии в большом количестве, репетиции, спектакли отнимали очень много времени, создавали впечатление активной творческой жизни. По объему работы так это и было, но не по значимости того, что я делал.

Для баса я был совсем молодым человеком, но всегда чувствовал в себе силы сделать больше, чем мне поручали. То, что я исполнял, мне никогда «не подавали на блюдечке». Я не отказывался ни от какой работы, всегда подчинялся театральной необходимости, и даже когда уже пел ведущий репертуар, продолжал исполнять и вторые партии. Нагрузка у меня всегда бы-

вается в текущий репертуар, который в период подготовки премьеры продолжает показываться, работать и обеспечивать достойный репертуар достойными составами — очень трудно, несмотря на большую труппу.

При сложившейся практике возобновлению спектаклей не предшествует серьезная работа, которая обеспечивала бы его качество. Мы много говорим о текущем планировании, принимаем даже решения о «циклическом» планировании, но «возд и ныне там».

Должна быть совсем другая система возобновления спектаклей. К примеру, 5 дней возобновляется «Вертер». В репетициях заняты все составы исполнителей. После этого за 10 дней спектакль пройдет 5 раз со всеми составами, а с лучшими — не один раз, и все актеры будут, выходя на сцену, думать о том, где им надо вступать, что делать, чтобы были наработанный автоматизм, тогда в этом или другом, также возобновленном спектакле, уже не будет никаких расхождений ни с хором, ни с оркестром, нормально зазвучат ансамбли. Нужна конкретная работа в конкретных спектаклях. Сейчас ее не хватает. Также должен возобновляться следующий спектакль. Подобная практика поднимет качество текущего репертуара.

А артисты, не занятые в этой группе спектаклей, идущей в течение 1—2 месяцев, могут использовать свободное время для другой работы — предложений много, причем интересных и разных, и при разумном планировании эти предложения можно было бы принять.

Ред. Чем привлекают вас гастроли?

М. К. Они очень влияют на творческое состояние, настроение, помогают организованно работать, дают стимул к творчеству. Я до сих пор нахожусь под впечатлением от концерта, кото-

ла большая, недаром сейчас в моем репертуаре около 40 партий.

Ред. Как складывается ваша работа в театре в этом сезоне?

М. К. Пока как-то не складывается. Если же считать, что сезон начался в Шотландии, я спел Мендозу в «Дуэнье» и Дюну в «Орлеанской деве», в театре — тоже только эти две партии и Гремин в «Онегине». Вот все, что я сейчас пою. К сожалению, отменились гастроли в Бразилии, где я должен был петь Бориса. В конце прошлого сезона я спел два спектакля — это было только начало работы. К сожалению, продолжения не последовало. Надеюсь дождаться новой постановки «Бориса Годунова» в Большом театре и принять в ней участие.

Вряд ли это уже будет редакция Римского-Корсакова, но я в любой редакции хочу петь Бориса, желательно, конечно, в авторской. Негоже Большому театру показывать Мусоргского в усеченном виде, у него важны все драматургические линии, ведь Мусоргский велиk не только как композитор, но и как драматург. Мы почему-то все время боимся пересматривать свой репертуар, спектакли так называемого «золотого фонда», которые во многом устарели.

С чем это связано? Думаю, очень велико противодействие консервативных сил, которые много лет не давали снимать старые, отжившие постановки. Конечно, жалко их, мы привыкли к ним. Например, «Онегин», такой хороший спектакль сейчас снимается, готовится новая по-

становка вместе с Ниной Терентьевой пели в Париже, в зале «Плейель». Великолепный прием, замечательная публика, чудесная атмосфера. В Большом театре, к сожалению, нам часто не хватает такой публики, которая бы сопереживала артистам, приходила именно на этот спектакль, именно с эмм составом исполнителей. Появилась какая-то «созерцательная» публика, с которой трудно установить контакт.

Ред. Как вы относитесь к переходу театра на контрактную систему?

М. К. В принципе — положительно, но как мы можем перейти на контрактную систему при наших социально-бытовых трудностях, когда у театра нет жилья. Я сейчас строю квартиру за огромные деньги, другого выхода нет. Я бы говорил не о контрактной системе, а о много-вариантных отношениях артистов с театром. Хочешь работать по контракту — пожалуйста, на договоре — ради бога. Так как сделал, например, В. Богачев, он поет свои спектакли, и театр не теряет этого певца, и он может свободно распоряжаться своим временем. Если мы перейдем на контрактную систему, а мы к этому идем, я считаю, что исполнительский уровень резко повысится.

Ред. Вам в жизни повезло. Ведь вы работали с разными дирижерами, режиссерами, партнерами. Что это дало вам?

М. К. Да, мне действительно повезло. Еще учась в консерватории, я работал с Г. Н. Рождественским, участвуя в постановке «Обручения в монастыре», вместе с ним, Е. Е. Нестеренко и В. Постниковой мы выступали с программой, посвященной творчеству М. П. Мусоргского и показали эту программу в Ленинграде, Москве и Свердловске. Представляете себе, 22-летний молодой человек, которого представляет Г. Рождественский, аккомпани-

становка. Но я всегда хочу смотреть вперед, мне хочется все время делать что-то новое, потому что работать так, чтобы петь два-три раза в сезон того же «Бориса Годунова» в одной и той же постановке 40-летней давности, с одной стороны — это интересно, а с другой — менее интересно, чем постоянно участвовать в новых постановках.

И все же Борис Годунов — роль на всю творческую жизнь. Потому что не может не идти постоянная внутренняя работа над образом Бориса, изучение каких-то исторических материалов, иконографии, мемуарной литературы. Не случайно наверное раньше говорили, что сначала «Бориса» надо спеть на периферии, пока пробовать. Это где-то верно: нужно, чтобы в этом образе было уже что-то наработано, тогда легче решать более сложные задачи. А Борис, как я уже понял, в каждом спектакле ставит новые и раз от раза все более сложные задачи. Конечно мне жаль, что не идет «Борис Годунов»...

А если вообще говорить о нашем репертуаре, то он является еще одним примером того, как в нашей стране все проблемы пытаются решить полумерами.

Ред. Что вы имеете в виду?

М. К. Вы знаете, как готовятся

новые постановки на Западе. Месяц занимается артист с дирижером и режиссером только новым спектаклем и это приводит к хорошим качественным результатам. Когда мы готовили «Орлеанскую деву», я почти не был занят в текущем репертуаре — это нормально. Нормально, что перед выпускным новой постановки ее участники почти освобождаются от участия в спектаклях. Но трудно согласиться с тем, что в это время «оголяется» афиша. Это и есть полумеры. Потому что надо или переходить на систему, когда выпускают спектакль, и играют его чуть ли не каждый день, а параллельно уже идет постановка другого спектакля, потом кончается показ этого спектакля, начинается следующий. А так, когда новая постановка вли-

вается в текущий репертуар, мы вместе с Ниной Терентьевой пели в Париже, в зале «Плейель». Великолепный прием, замечательная публика, чудесная атмосфера. В Большом театре, к сожалению, нам часто не хватает такой публики, которая бы сопереживала артистам, приходила именно на этот спектакль, именно с эмм составом исполнителей. Появилась какая-то «созерцательная» публика, с которой трудно установить контакт.

Ред. Что вас не удовлетворяет в творческой жизни, что бы вы хотели изменить в ней? Считаете ли вы свою творческую судьбу удачной?

М. К. Если, конечно, сравнивать с другими певцами, то исходя из моего возраста — мне 32 года, судьба моя сложилась удачно. Но с другой стороны, мне бы хотелось больше успеть — и в оперном репертуаре, и в концертной деятельности.

Ред. А что мешает?

М. К. Я очень много времени и сил отдаю текущей работе в театре — это выматывает. Мне никто и никогда не помогал, я всегда добивался сам, может, брался порой и за не нужную мне работу, приходилось самому решать, что нужно, что нет. Но я никогда не считал, что мне мешают, и если мне какую-то партию не давали, я считал, что значит, я сам еще не достиг должного исполнительского уровня. Предела, совершенству нет, я чувствую в себе силы для того, чтобы сделать больше и лучше. Хочу сделать камерные программы из произведений Чайковского, Рахманинова, Глинки, хочу спеть на французском языке «Фауста».

Ред. Вы уже выступали с такими камерными программами?

М. К. Да, в Челябинске, в Пушкинском музее в Москве. Может быть, что-нибудь подготовлю в Колонном зале — у меня есть та-

кое предложение. Хотелось бы, чтобы театр больше и интереснее меня использовал, не все же время мне самому все просить, может, и театр как-то проявит инициативу и предложит сольный концерт — в Бетховенском зале или на большой сцене еще с двумя-тремя солистами. Чтобы мы могли нормально показать свои возможности в разном репертуаре. И пригласить на этот концерт журналистов. Меня огорчает позиция, которую заняла наша пресса по отношению к Большому театру — все время идет негативная информация, хотя я считаю, что сейчас Большой театр работает очень интересно, с возвращением Б. Покровского у театра появилось новое творческое лицо. О шотландских гастролях была только маленькая заметочка в «Советской культуре», кстати, позорная по уровню профессионализма. А ведь Большой театр назвали суперзвездой фестиваля 1990 года в Глазго. В таком престижном журнале, как «Опера» (Лондон) статья о наших гастролях, а у нас на Родине — нигде ничего.

Кто-то должен регулярно заниматься пропагандой наших артистов, рекламой спектаклей, так как это делается на Западе. Реклама нужна не для сборов — они у нас всегда есть, а чтобы не было предвзятого отношения к Большому театру.

Ред. И все-таки ваши ближайшие планы в театре?

М. К. Конечно, хотелось бы участвовать в новых постановках, тем более что сложилось такое замечательное творческое единение — Б. Покровский, А. Лазарев и В. Левенталь. Стараюсь совершенствовать уже сделанное, очень надеюсь петь в Большом театре не только русский, но и западноевропейский репертуар, есть и интересные предложения из-за рубежа. Загадывать трудно. Время покажет.

